

В. Л. КОМАРОВИЧ

К литературной истории повести о Николе Зарайском

Рязанская Повесть в полном своем объеме, т. е. с вступительным рассказом „О пришествии Николина образа из Корсуни на Рязань“, впервые стала доступна изучению после двукратного издания так называемой Костромской летописи, озаглавленной: „Русский Временник, сиречь Летописец, содержащий российскую историю“ (1-е изд. — М., 1790 г., 2-е изд. — М., 1820 г.) и использованной довольно широко уже Карамзиным. Этот, в своей первооснове, хронографический памятник, составленный (как доказал акад. А. А. Шахматов) в 1530-х годах, в числе дополнений содержит как раз интересующую нас Повесть. Анонимный издатель „Русского Временника“ не сообщил, однако же, почти ничего о рукописном подлиннике своего издания. Не без оснований поэтому 360-е примечание к третьему тому „Истории“ Карамзина содержит следующее предвудомление историка: „Я имею подлинник русского Временника или Костромской летописи: он писан (кроме новейших прибавлений) в XVII в. и принадлежит графу А. И. Мусину-Пушкину“. Изложив затем содержание Повести, Карамзин попутно добавил от себя несколько археологических к ней пояснений о Зарайске и его вещественных памятниках. Что же касается собственно текста Повести, то, как видно из указанного примечания, сведения о нем у Карамзина ограничивались все тем же „Русским Временником“.

Однако же искусственно пригнанный составителем памятника к остальному его содержанию — разнесенный по годам и перебитый в ряде мест вставками из летописей — текст Повести в „Русском Временнике“ еще не дает ясного о ней представления. Вполне поэтому своевременно было опубликование Повести по отдельному списку в 1852 г. во „Временнике Моск. Общества Истории и Древностей Российских“ (кн. XV, отд. „Смесь“, стр. 11—21) под заголовком: „Приход чудотворного Николина образа Зарайского“ и с ремаркой издателя: „Взято из рукописного сборника XVI века“. В научный оборот изданный здесь текст однако же не вошел.¹ В силу ли малой доступности самого издания или

¹ Текст повести о Николе Зарайском в кн. XV Временника Московского общ. истории и древн. росс. (М., 1852, Отд. „Смесь“, стр. 11—12) издан В. М. Ундольским (с пометой „взято из рукописного сборника XVI столетия“) по рукописи, хранящейся сейчас в Публичной библиотеке в Ленинграде в Погодинском собрании № 1594. В этом убеждает не только дословное повторение печатного издания текста этого сборника, но и многие особенности орфографии, а также ошибки писца, проникшие в издание; напр.: „узашаться“ (л. 41 об.; стр. 11), „на сивер“ (л. 41 об.; стр. 11), „мышляше“ (л. 42 об.; стр. 12); „велича (вм. „веля“) ему поведати“ (л. 44; стр. 13), „взборе

потому, что памятник в нем представлен одной рукописью, только Повесть начинает привлекать к себе некоторое внимание ученых лишь после следующего издания ее в „Сведениях и заметках о малоизвестных и неизвестных памятниках“ И. И. Срезневского (вып. XXXIX, СПб., 1867). Отличительной особенностью этого издания, сравнительно с предыдущими, было использование для него нескольких списков Повести. Но то, как поступил на этот раз И. И. Срезневский с найденными им списками, скорее принесло делу изучения Повести не пользу, а вред. Вместо того, чтобы издать полностью один из них, с вариантами из остальных, Срезневский предпочел издать сводный текст, восстановленный им самим посредством выборок то из одного, то из другого списка одновременно. Не давая почти ни малейшего представления об отличиях отдельных списков и, с другой стороны, не воспроизводя ни одного из них полностью, издание Срезневского не позволяет даже приблизительно разобраться в редакциях памятника, урезанного к тому же в издании почти наполовину, так как вся первая часть его (о перенесении из Корсуни в Рязань иконы), тематически неразрывно связанная со второй, почему-то опущена издателем.

К сожалению, все дальнейшие публикации Повести ограничивались простой перепечаткой выработанного И. И. Срезневским сводного текста. В таком виде Повесть вошла, например, в „Хрестоматию“ В. Саводника (М., 1915) и в новейшую хрестоматию Н. К. Гудзия (М., 1935, стр. 108—114; изд. 3-е, 1938, стр. 139). Обзор доступных изучению подлинных списков Повести и их новое критическое издание являются, таким образом, одной из первоочередных задач литературоведения.

Ниже предлагаем описание 12 новых списков Повести (впрочем, некоторые из них, возможно, были использованы в сводном тексте Срезневского), группируя их соответственно восьми устанавливаемым затем редакциям.

1. Список Рукописного отделения Библиотеки Академии Наук СССР из сборника (канонов, слов и сказаний), принадлежавшего ранее Архангельскому собранию (№ 365), скороп. XVII в., в 8-ку, 340 л.; л. 147 „Предисловие“ с криптограммой имени составителя сборника и посвящением: „Написах же сіе моею многогрѣшноу рукою, трѣсть в деснице державъ, злоукорньмъ моимъ языкомъ слагая и вдахомъ твоєю боголюбивою души во царство государя нашего благовѣрнаго царя во истину глаголю яко правовѣрнаго и милости тезоименита великаго князя всея великая Росїи Бориса Федоровича. По сему же молю

(вм. „в борзе“) начаша“ (л. 45 об.; стр. 15), „наречннх“ (л. 53; стр. 21) и мн. др. Однако, наряду с этим, печатный текст имеет поновления текста, поправки по смыслу и т. д. Их много; перечислю главнейшие. К тексту на л. 41 после слов „царевна Анна не сотсая брака со Владимиром Святославичем“ вставлено из других списков: „и умоли его быти Христїянина. Великій же князь Владимиръ Святославичъ“ (стр. 11), „Анастасїа Корсунского“ вм. „Анастасїа Ерусалимскаго“ (там же); „Херсонїя“ (стр. 12), вм. „Хевронїя“ (л. 42 об.), „И нача помышляти како Великій чудотворецъ Николае“ (стр. 13), вм: „И нача помышляти великий чудотворецъ Николае како“ (л. 43 об.); „и святи и епископъ“ (стр. 13), вм. „и святи я епископъ“ (л. 44); „в невѣрїи с воемъ“ (стр. 14), вм. „в невѣрїи съвоем“ (л. 45); „мечи изсекоша“ (стр. 16) вм. „мученье изсекоша“ (л. 48); „со многими царствами“ (стр. 18), вм. „со многими цари“ (л. 46); „ни един онхъ“ (стр. 18), вм. „ни един от нихъ“ (л. 49) и др. Бумага рукописи не позднее 90-х годов XVI в. (данные филиграней). Почерк, по определению акад. А. С. Орлова, возможно, несколько более поздний.

Отдельные виды первой повести представлены также в печати в брошюре: „Чудотворный образ святителя Христова и чудотворца Николая Зарайского“, Рязань, 1860 г. и (2-е издание) 1892 г. И. Добролюбов. „Сказание о перенесении образа св. Николая из Корсуни в Зарайск в 1225 г.“ М., 1891; „Зарайский Николаевский собор“, Рязань, 1878; изложение содержания — во многих местных (рязанских) изданиях. *Прим. Лихачева Д.*

твое величество, яко да прочтетца сия книга и инемь нашея братіи у нас пребывающимъ“ и т. д. На лл. 254—258 помещено „Чудо Николы Заразского“. Краткая редакция. Сокращенно обозначается *Арх.*

2. Список Рукоп. отд. БАН СССР из Святцев, 33.13.24, в 4-ку, 269 лл., с приписками: „совершена книга сия глаголемая святцы в лѣта 7194 (1686) ноября в 24 день“ (л. 128) и „списана в лѣто 7202 (1694) будучи на Олонде вьльинскомъ погосте“ (л. 185); на лл. 109 об. — 110 — „Сказание о чудотворнемъ образѣ святаго Николы Заразскаго, еже откуду прииде в резанскую землю и для которые вина заразкии наречетса“. Сокращенная редакция. *Свц.*

3. Список Гос. Публичной Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина из сборника собрания Погодина № 1870, в 4-ку, скороп. XVII в. Краткая редакция с Коломенским эпизодом. *П.*

4. Список Рукоп. отд. БАН СССР из сборника исторического содержания, 16. 17. 21, в 4-ку, скороп. и полууст. (три почерка) первой половины XVII в., 199 лл.; на лл. 173—194 — „Приход ис Корсуня чудотворного Николаина образа“, лл. 178—183 об. и 184—189 спутаны: текст с л. 177 об. переходит на лл. 184—189, а с л. 189 об. — обратно на лл. 178—183 об. Распространенная редакция. *РО 1.*

5. Список Рукоп. отд. БАН СССР, из сборника исторического содержания 16. 15. 8, в 4-ку, скороп. (разных почерков) второй половины XVII в., 138 лл.; на лл. 41 об. — 68 об., 74—74 об. — „О принесеніи чудотворнаго образа святаго Николая ис Корсуни“. Распространенная редакция, с заимствованием из компилятивной; текст повести перебит на лл. 68 об. — 74 повестью „о убіеніи Батыя“. *РО 2.*

6. Список Рукоп. отд. БАН СССР из сборника, принадлежавшего собранию Головкина и содержащего шесть разных рукописей, 34. 8. 25, в 4-ку, скороп. (разных почерков) третьей четверти XVII в., 612 лл.; на лл. 376 — 379 (из второй рукописи) — Повесть о Николѣ Заразском — без заглавия и с опущенной первой частью; нач.: „В лѣто 6745“. Распространенная редакция с сокращениями. *Гл.*

7. Список Гос. Публ. Библ. им. Салтыкова-Щедрина из сборника Q. I. № 393, в 4-ку, полууст. конца XVII в., 97 лл., с утраченными отдельными листами; на лл. 83—95 об. — „Приход ис Корсуни чудотворного Николаина образа“ (с пропусками). Компилятивная редакция. *ПБ 1.*

8. Список Гос. Публ. Библ. им. Салтыкова-Щедрина из сборника Q. XVII. № 30, в 4-ку, скороп. второй половины XVII в., 246 лл.; на лл. 20—229 об. — „Приход Николаина образа из Корсуни на Рязань“. Компилятивная редакция, в сокращении. *ПБ 2.*

9. Список Рукоп. отд. БАН СССР из сборника, содержащего шесть различных рукописей, 4. 7. 3, в 4-ку, полууст. и скороп. последней четверти XVII в., 405 лл.; на лл. 285—302 (третьей рукописи) „Пренесеніе чудотворнаго образа великаго чудотворца Николая Заразскаго“. Компилятивная редакция. *РО 3.*

10. Список Рукоп. отд. БАН СССР из сборника, содержащего 15 различных рукописей, 13.2.23, в 4-ку, полууст. и скороп. XVII—XVIII вв., 135 лл.; на лл. 65 об. — 71 (девятой рукописи последней четверти XVII в.) — Повесть о Николѣ Заразском (без заглавия); нач.: „В лѣто 6733 июля в 29 день принесен бысть чудотворный образ...“. Компилятивная редакция, в сокращении. *РО 4.*

11. Список Рукоп. отд. БАН СССР из сборника, принадлежавшего собранию Ф. М. Плюшкина и содержащего 23 различных рукописи, 38.4.40, в 4-ку, полууст. и скороп. конца XVII в., 430 лл.; на лл. 330—352 об. — „Приход чудотворного образа святаго Николы чудотворца

ис Корсуня града в резанскую землю“, с датой 1633 год и именем Никиты Анненкова резанца в послесловии. Особая редакция. *АН*.

12. Список Рукоп. отд. БАН СССР из того же сборника, что и *АН*; на лл. 196 об. — 198 — „Повѣсть о чудотворном образѣ великаго чудотворца Николы“. Проложная редакция. *Прл.*

Если добавить, в качестве самостоятельной редакции, текст Повести, читающийся в „Русском Временнике“, — „хронографическую“ (*Хрон*), то общее число редакций пока намечается восемь.

Наиболее полно содержание Повести представлено в компилятивной редакции. Здесь повествование открывается датой — 6733, т. е. 1225 год, и перечнем княживших тогда во Владимире, Новгороде и Рязани князей. В этом году был перенесен „из преименитого града Корсуня в пределы Рязанские“ чудотворный Николин образ. Сообщению о перенесении предшествует ряд более древних известий об иконе, относящихся еще к пребыванию ее в Корсуни: Николин образ стоял там, оказывается, в „чудотворном храме“ „посреди торгу и града“, рядом, с одной стороны, с церковью апостола Иакова, в которой некогда крестился Владимир Святославич, а с другой стороны, „с полатой красной сзади олтаря“, „идѣ же цари гречестіи весельшася“, Василий и Константин, выдавшие за князя Владимира „сестру свою Анну царевну“, убедившую своего жениха креститься. Кроме совершения самого обряда яко бы „епископом Анастасием Корсунским“, упоминается еще об исцелении новокрещенногo от внезапно поразившей его слепоты. Только после такого экскурса в область житийных вариантов Корсунской легенды, рассказ возвращается к своей главной теме: за год до „прихода на Рязань“ Николина образа „явился служителю своему, Евстафию именем, в привидиніи“ Никола с предписанием взять чудотворный образ, супругу свою Феодосию и сына своего Евстафия и итти из Корсуня в землю Рязанскую: „тамо хощу быти и чудеса творити и мѣсто прославити“. Пробудившийся „от таковаго видѣнія“ Евстафій „нача ужасатися“; во вторую ночь видение повторилось; Евстафій „в большой страх вниде“ и стал размышлять, „камо“ велит ему итти чудотворец: „аз и земли Рязанскія не слышах, не вѣм бо та земля яко на восток, или на запад, или на югъ, или на север“. Еще настойчивее, „утыкая в ребра“ — понуждает Евстафия чудотворец в третью ночь, веля при этом итти на восток и обещая, что сам его „допроводит“. Евстафій все еще, однако, колеблется, „како оставити предивнаго града Корсуня“, пока его тоже не поражает слепота и „болезнь главная“. Поняв, что он наказан за ослушание, Евстафій вымаливает себе у Николы прощение, прозревает и решается, уже не колеблясь, „дойти до уреченнаго мѣста резанскія земли“. Но, зная о ней пока только то, что она — на востоке, Евстафій думает „итти чрез землю поганых половец“. Однако, опять явившись ему во сне, Никола делает новое предсказание: „не полезно ти есть чрез землю поганых половец ити, подобает ти ити во устье Днѣпрское. И сяди в корабль и доиди в море Варяжское в нѣмецкія области. И оттуду поиди сухим путем до великаго Новаграда и до Рязанскія земли дойдеши не възбранно, но и честь велию приимеши“. Взяв чудотворный образ, жену, сына и „единого от клирик“, отрекшись „преименитаго града Корсуня“ и „всего имения своего“, Евстафій пускается в путь: доходит до устья Днепра „Понтейским морем, еже словет море Русское“, садится в корабль „и поиде в море Варяжское и прииде в нѣмецкую землю во град Кесь“. Пробыв там „мало дней“, Евстафій идет оттуда „сухим путем чрез нѣмецкую область“; чудотворец же Никола „нача путем великие чудеса творити“. Так они доходят до Новгорода, где остаются „многа дни“ и где тоже

чудеса от образа „больша умножишася“. Новым препятствием к достижению цели — Рязанской земли — теперь оказывается Евстафиева жена: „устрелена бранью вражьею“, она так „возлюбила“ Великий Новгород, что не захотела „йти во слѣд чудотворнаго образа“ и скрылась от мужа; пораженная за это внезапной болезнью, она выздоравливает после новой молитвы случайно извещенного об этой ее болезни мужа перед все тем же Николиным образом. Наконец, путешественники, „хотя дойти желаемого“, достигают Рязанской земли. У самой, однако, цели сам Евстафий поддается новому искушению. Забыв „прежние чудотворцевы видѣнія“, он „нача в себе помышляти“: вот она, Рязанская земля, куда же мне тут направиться, чтобы обрести наконец покой („камо хоцю ити и покой обрести“). Но „бог творит чудеса угодником своим, елико хоцет“: Никола извещает во сне рязанского князя Федора о приходе своего образа, веля ему итти „во сретение“ и обещая в награду „венец царствия небеснаго“ ему самому, его жене и сыну. Проснувшись в страхе и недоумевая, о чьих венцах идет речь — „аз бо ни браку сочетсяя, ни плода чрева имѣх“, — князь Федор спешит, однако, навстречу образу, узнав его издалека по блистанию „света неизреченнаго“, и „прия любезно и принесе во область свою“. Извещенный о происшедшем великий князь Юрий Ингоревич благодарит бога, „яко посети людей своих“, идет „во область“ к сыну, взяв с собою епископа Ефросина Святогорца, и строит там храм во имя Николы Корсунского, который и освящает пришедший вместе с великим князем епископ. Вскоре князь Федор вступает в брак, взяв „супругу царскаго рода“ именем Евпраксию, „и помале сына роди, именем Иоанна Постника“.

С новой датой — 6745 (1237) г. открывается дальнейший рассказ о том, как сбылось то, что предсказал Никола князю Федору. В указанном году этот князь „убиен бысть“ Батьем „на рѣцѣ на Воронажѣ“. Услышав об этом, Евпраксия „абие“ ринулась „из превысокаго храма своего“, с сыном на руках, „на средю земли и заразися до смерти“. „К великому чудотворцу Николу Корсунскому“ приносят тело убитого князя и кладут его, с женой и сыном, „во едином мѣстѣ“, а над ними ставят „три кресты каменны“. „И от сея вины“, поясняет Повесть, великий чудотворец Никола зовется Заразским, „яко благовѣрна княгини Евпраксия и с сыном со князем Иваном сами себя заразиша“. Этим типичным эпилогом местных генетических легенд заканчивается первая часть Повести.

Вторая часть Повести снова открывается датой — 6745 (1237) годом, т. е. во второй раз приводимой датой Батыева нахождения, которое затем и изображается в сходных с летописями чертах, как наказание „за грехи наша“. В ответ на требование от „послов бездѣльных“ уплатить „во всем десятину“, рязанский великий князь Юрий Ингоревич созывает на совещание „братью свою“ — Олега Ингоревича Красного, Давида Ингоревича Муромского, своего сына Федора Юрьевича, Всеволода Пронского и „прочих князей местных и бояр и воевод“, которые вместе и решают, что нечестивого „подобает утоляти дары“. Для этого князь Юрий посылает сына Федора и иных князей к царю Батью „с дары многими и молением великим“ не воевать Рязанской земли. Приняв дары, Батый „охапися лестию“ (ложно обещал) не воевать Рязанской земли, а рязанских князей начал „потѣхою тѣшить“ и просить у них сестер или дочерей себе „на ложе“. Один из вельмож рязанских, „научен бѣсом“, выдает Батью, какова жена у Федора: „от царскаго рода, а тѣлом и лепотою красна зело“; Батый, обуреваемый похотью, просит у князя Федора „видѣти жены его красоту“. Но князь „посмѣялся“ и отвечал: „неполезно нам, христіанам, водить к тебѣ наших жен

на блуд; аще нас преодолееши, то и женами нашими владѣти начнеши“. Батый, разгневанный, повелевает убить князя Федора, а тело „повреши зверем и птицам на растерзание“. „Убиенного“ оплакивает и тайно погребает „на мало время“ Аполоница, „един от пестун“ князя, и спешит затем известить о случившемся княгине Евпраксии, участь которой Повесть описывает еще раз. Услыжав об „убиении“ сына, плачет по нему и отец, великий князь Юрий Ингоревич, и „весь град Рязанский“. Рязанцы шлют просьбу о помощи против Батыя к Юрию Всеволодовичу Владимирскому. Но, получив отказ, Юрий Ингоревич с „братиею“, „воздѣвъ руцы на небо“, просят себе помощи уже у бога, и Юрий Ингоревич призывает остальную „братию“ „изпить чашу смертную“ за божие церкви, за веру и „за отчину отца нашего великого князя Игоря Святославича“. Идут в соборную церковь поклониться иконам и гробу отца Игоря Святославича, дают „последнее цѣлование“ княгине, принимают благословение от епископа, выступают „противу нечестиваго царя Батыя“, встречают его „близ предѣла рязанских“ и нападают на него. „Бысть съча зла и ужасна“: „един бѣяшеся с тысящыми, а два со тьмами“, убит Давид Ингоревич; великий князь Юрий спрашивает остальную братию, „узорочье и воспитание рязанское“: „брат наш Давид прежде нас чашу испил, а мы ли сея чаши не пием“? Бьются так, „яко и земле постонати“, бьются крепко, „многие полки сильныя произжая“. Едва одолели их сильные полки татарские. Убит Юрий Ингоревич, брат его Глеб, Всеволод Пронский и „многие князи мѣстные и воеводи крѣпкие и удалцы и резвцы и узорочье и воспитание рязанское“, „все равно умроша и едину чашу смертную пиша, ни един от них возвратися вспять, все вкупе мертвыи лежаша“. После такого, в народно-эпическом стиле, изображения битвы, следует эпизод о плене и мученичестве Олега Красного и перечень разоренных Батыем рязанских городов (Пронска, Белгорода, Ижеславца). Батыево войско приближается, наконец, к самой Рязани, начинает „битися прилежно“ и бьетса пять дней неотступно „пременяясь“, тогда как горожане-рязанцы бьются „непреремненно“, изнемогая „от великих трудов“; на шестой день после приступа, „со огни, с пороки и с тмочисленными лестницами“, поганые берут Рязань „месяца декабря в 21 день“; жгут город, убивают в соборной церкви княгинь, иереев и черноризцев; „все узорочье черниговское и киевское“ захватывают; из горожан иных в воде топят, иных „в полон“ уводят, „ни един в живых не остался во градѣ, все равно умроша и едину чашу смертную пиша“. Видя это, Батый идет на Суздаль и Владимир, желая „Русскую землю поплѣнити и церкви божи до останка разорити“.

Третий раздел Повести посвящен подвигам Евпатия Коловрата. Этот рязанский „вельможа“ был „в тѣ поры“ в Чернигове и, услышав „приход безбожнаго царя Батыя“, идет „вборзѣ с малою дружиною“ в Рязанскую землю и видит ее „опустѣвщю“; идет к городу Рязани и видит его разоренным, „множество же народа“ избитым. „Воскричав“ от горя и распалившись сердцем, Евпатий созывает дружину „в тысячу и семьсот человек“ из уцелевших „внѣ града“ и гонится по следам за Батыем. Напав „внезапу“ на его „станы“, дружина Евпатия сечет татар так, что „мечи притупишася“, избивает их, „ездя по полком храбро и мужественно“, так что и самому Батыю „возбоитися“. Едва поймав от полку Евпатиева пять человек, татары приводят их к Батыю, а тот их допрашивает: „какой вы вѣры, какой земли, что так мнѣ много зла сотворили“? „Вѣры мы христианской“, отвечают они, „рабы великого князя рязанского“, посланы от него тебя, сильного царя, почтити и честно проводить; не подивись, что не успеваем „чаш наливати

на великую силу татарскую“. Царь подивился „ответу их мудрому“ и послал на Евпатия с сильными полками татарскими своего шурина Хостоврула, обещавшего Евпатия „жива привести пред царя“. Но, съехавшись с Хостоврулом, Евпатий, „исполин силою“, рассекает его „наполы до седла“, а потом избивает и всю татарскую рать. Перепуганные татары высылают против Евпатия „множество саней с нарядом“; едва одолев, они приносят его, мертвого, „пред царя“, который созывает „мирзы и князи ордынские и санчакбеи и паши“ и начинает с ними дивиться „храбрости и крѣпости и мужеству“ убитого богатыря. „Во многих землях, на многих бранях бывали есьмы,“ говорят, „зря на тело Евпатиево“, созданные „князи ордынские“, „а таковых удалцов и резвцов не видано“. Царь же прибавляет: „о, Коловрате, милый Евпатие!“ Если бы „у меня царя таковой служил“, держал бы его „против своего сердца“. Тело Евпатиево Батый велит отдать „останной“ его дружине, а ее отпустить с ним „восвояси“ и „ничем вредити“.

Четвертый раздел Повести рассказывает о возвращении из Чернигова „богом соблюденнаго“ там князя Ингоря Ингоревича „во град Рязань“. При виде произведенного там опустошения, он „жалостно кричаше яко труба... и от великого кричания лежаше на земли яко мертв“. Кто, в самом деле, не всплачется о толикой гибели, добавляет от себя автор. Похоронив „сродников“ и „трупие мертвых“, очистив и освятив место, собрав остаток людей и дав им „мало утешение“, Ингорь Ингоревич отправляется затем туда, где „побиени быша“ братья его в первой битве с Батыем; видя их лежащими „на земли пуге, на траве ковыле, никѣм брегоми“, оплакивает их „горьким гласом, вельми ревым“, так приговаривая: „О милая моя братья, како мене единого“ оставили, „почто не промовите ко мнѣ, цветы мои прекраснии... ужли забыли есте брата вашего“ и т. д. Оплавав братию и помолившись богу, пречистой богоматери и сродникам своим святым Борису и Глебу, Ингорь Ингоревич берет тела „убиенных“, переносит в Рязань и погребает честно; потом отправляется к Пронску и собирает „раздробленные уды“ брата своего Олега Ингоревича и тоже переносит „во град Рязань“; идет, наконец „на Воронаж“, где убит был князь Федор, и переносит и его „к великому чудотворцу Николѣ Корсунскому“, хоронит его там вместе с женой и сыном и ставит над ними „три кресты каменные“; „и от сея вины“, поясняет Повесть во второй раз, „звется великий чудотворец Зараской, „яко благовѣрная княгиня Евпраксия царевна и с сыном своим со князем Иваном сама себя зарази“.

Следующая затем похвала всему роду рязанских „государей“ выхваляет их набожность, телесную красоту, добрые нравы, силу, величие и, наконец, святость („разумно держа земное царство, а небесному приближаяся“). В виде краткого заключения к рассказу об Ингоре, еще раз, в чисто уже летописной форме, повторено, что этот „благоверный великий князь, нареченный во святом крещении Козьма“, после прихода на Рязань, „сяде на столѣ отца своего и обнови землю рязанскую и бысть радость крестьяном“, и что Кир Михаила он отпустил „на отца его отчину“ в Пронск.

Пятым (и последним) разделом Повести, в ее наиболее полной редакции, служит особая статья, озаглавленная: „Род поповский Николы чудотворца Зараского“ и содержащая родословную потомков Корсунского иерея Евстафия; перечень девяти (в некоторых списках — одиннадцати) поколений его потомства заканчивается следующей хронологической выкладкой: „А всѣхъ лѣтъ служили триста и полчетверта десять лѣтъ непрерывно род их“.¹

¹ Здесь в рукописи В. Л. Комаровича дата: „7. X. 1941.“ *Прим. ред.*

2

Компилятивный или сводный характер изложенной редакции Повести (списки *Вр*, *ПБ 1*, *РО 3*, *РО 4*) виден уже из самого изложения; тут дважды повторяется не только основная хронологическая дата (6745—1237 г.), но и весь ход основных событий: „убиение“ Федора Батыем, извещение об этом княгини Евпраксии, ее „зараз“, погребение обоих супругов и их сына рядом под тремя каменными крестами и, наконец, в виде эпилога, разъяснение культового эпитета „Заразский“. Весь этот ряд событий в первой из намеченных нами частей Повести излагается сжато, без подробностей, с непосредственно примыкающим к остальным событиям эпилогом; во второй и четвертой частях Повести тот же комплекс событий (под той же датой) излагается гораздо пространнее, с подробностями; эпилог (о трех крестах и эпитете „заразский“) отделен от остальных дублируемых событий рассказом о первой битве рязанских князей с татарами на рубеже Рязанской земли, рассказом о разорении самой Рязани и рассказом о Евпатии Коловрате, т. е. всей частью третьей и основным содержанием второй и четвертой частей. Самое же дублирование, если не считать новых подробностей, темой или сюжетом не ограничивается, а носит местами и прямо текстуальный характер:

Первая часть

И услыша благовѣрная княгини Евпраксея царевна убиенье мужа своего благовѣрнаго князя Феодора Юрьевича, таже ринуся из превысокаго храма своего и со князем Иваном на средѹ земли и заразися до смерти и с сыном своим со князем Иваном Федоровичем. И принесоша тѣло блаженнаго князя Феодора Юрьевича во область его к великому чудотворцу Николѣ Корсунскому и положиша его и его благовѣрную княгиню Евпраксию и сына их князя Ивана Федоровича во едином мѣстѣ и поставиша над ними три кресты камены; и от сея вины зовется великии чудотворец Никола Заразски, яко благовѣрная княгини Евпраксия и с сыном со князем Иваном Постником сами собя заразиша.

Вторая и четвертая части

Блаженна же княгини Евпраксея царевна, стоя в превысоцем храмѣ своем и держа любезное чадо свое князя Ивана Федоровича Постника и услыша таковы смертоносныя глаголы и горести исполнены и абие ринуся с превысокаго храма своего на средѹ земли и з сыном своим со князем Иваном и заразися до смерти И принесоша честное его и святое тѣло во область его к великому чудотворцу Николѣ Корсунскому и положиша его и его благовѣрную княгиню Евпраксию и сына их Ивана Постника у великаго чудотворца Корсунскаго, и поставиша над ними кресты три камены, и от сея вины да зоветца великии чудотворец [Заразский], яко благовѣрная княгини Евпраксия царевна и с сыном своим со князем Иваном сама себе зарази.

Приведенные совпадения таковы, что не оставляют сомнения в том, как они возникли: составитель второго и четвертого разделов Повести перенес к себе текст из раздела первого, лишь попутно его распространив. А отсюда с несомненностью вытекает, что второй и следующие разделы Повести с одной стороны, и первый, с другой, возникли не одновременно; второй и следующие были присоединены к первому как его позднейшие распространения; в первоначальном же своем виде Повесть ограничивалась разделом первым. Такой вывод подтверждается и наличными сейчас списками Повести: самый старший из них — *Арх*, действи-

тельно, ограничивается только разделом первым. Не менее красноречиво о первоначальной самостоятельности раздела первого говорят и те списки Повести, которые содержат, в виде дополнения, особый эпизод о перенесении Николина образа из Зарайска в Коломну; таких списков пока нам известно всего четыре (*П*, *РО 1*, *РО 3*, *РО 4*); в двух из них, содержащих текст компилятивной редакции (*РО 3*, *РО 4*), коломенский эпизод присоединен к Повести в самом ее конце; напротив, в третьем списке (*РО 1*), содержащем более первоначальный текст Повести, коломенский эпизод не присоединен к ней в конце, а читается в середине, сразу же после раздела первого; наконец, четвертый список (*П*), с таким же положением этого эпизода, как и в *РО 1*, в отношении собственно Повести вообще ограничивается, как и *Арх*, только разделом первым. Отсюда заключаем, что коломенский эпизод возник в качестве дополнения не при компилятивной редакции (одни списки которой его вообще опустили, другие перенесли из середины в конец), а при той более первоначальной краткой редакции Повести, которая, как показано, лежит в основе компилятивной. Этот вывод особенно важен прежде всего тем, что сразу же вносит ясность в вопрос о хронологии Повести. Коломенский эпизод во всех четырех списках датирован 7021-м, т. е. 1513 годом, когда, в результате набега „на рязанские украинны“ „крымских людей“, Николин образ из Зарайска был перенесен на Коломну. Точно приурочивая, таким образом, события своего рассказа к определенному году, этот дополнительный текст в конце содержит, кроме того, косвенное указание на время составления рассказа. В двух списках (*РО 1* и *РО 4*) заключительный призыв к молитве о „государевом здравии“, кроме самого государя Василия Ивановича и его „благоверной княгини“, упоминает также „братнее здравие“, т. е. наследником московского престола предполагает не сына, а брата Василия Ивановича, каковым, действительно, и считался до 25 августа 1530 г. (дня рождения Ивана Грозного) брат Василия Ивановича — сидевший на уделе в Дмитрове Юрий Иванович.¹ Отсюда видно, что Коломенский эпизод мог возникнуть в качестве дополнения к Повести, только между 1513 и 1530 гг. Не менее очевидно и то, что эта редакция Повести, которую коломенский эпизод собою дополнил — краткая, — к 1513 г. уже существовала.

Что касается компилятивной редакции, то время ее составления определяется из той хронологической выкладки в 335 лет (относительно служения Евстафиева поповского рода при Николе Заразском „непрестанно“), которой она (в списках *Вр*, *РО 2*) заканчивается. За начало этого служения редактор Повести, сделавший выкладку, мог считать только ту самую дату, 1225 год, под которой уже краткий вид Повести сообщает о прибытии Евстафия Корсунского в Заразск. Из простого сложения — 1225 + 335 получаем 1560 год, как момент составления компилятивной редакции. Итак, краткая редакция возникла ранее 1513 г.; та же редакция, но дополненная коломенским эпизодом, возникла в 1513—1530 гг.; наконец, компилятивная редакция возникла в 1560 г.

Было бы, однако, ошибкой выводить компилятивную редакцию непосредственно из краткой. Есть списки Повести, где ее объем почти не уступает объему компилятивной редакции, но тем не менее текст этих списков разительно отличается от компилятивной редакции рядом весьма существенных вариантов. Таковы списки *РО 1*, *РО 2*, *Гл*. Их общие отличия, в пределах выше изложенного содержания четырех разделов компилятивной редакции, сводятся к следующему.

¹ См.: С. М. Соловьев. История России, 1, стлб. 1652.

1) Город, куда прибывает Евстафий из Корсуни, — не Кесь, а Рига.

2) Дидактическое вступление к картине Батыева нашествия от слов „попущающу богу“ до слов „за наше прегрешение“ — отсутствует.

3) Отказ в помощи рязанскому князю Юрию Ингоревичу со стороны Юрия Всеволодовича Владимирского предшествует созыву рязанских князей, отъезду князя Федора с дарами к Батю и его убиению, тогда как в списках компилятивной редакции (*Вр, ПБ 1, РО 3*) неудачное обращение за помощью во Владимир отмечается лишь после всех этих событий.

4) В перечне рязанских князей (на съезде, в бою, при „убиении“, при погребении) всякий раз упоминается Глеб Коломенский, ни разу, напротив, не упоминаемый в списках компилятивной редакции.

5) Точно указано место Батыева стана, куда прибыл князь Федор: „на рѣку на Воронаж“, чего, напротив, списки компилятивной редакции не знают.

6) Отсутствует подробность, согласно которой Батый приехавших к нему „на Воронаж“ рязанских князей стал „потѣхою тѣшить“.

7) Предательство рязанского вельможи, сообщившего Батю о красоте княгини Евпраксии, передано словом „насочи“ (*РО 1, РО 2*), вместо „сказа“ в списках компилятивной редакции.

8) Отсутствует (*РО 1, РО 2*) весь эпизод компилятивной редакции о нашедшем тело Федора пестуне Аполонице.

9) Перед битвой, вместо прощания „у гроба отца своего великого князя Игоря Святославича“, как в компилятивной редакции, в списках *РО 1, РО 2, Гл* рязанские князья дают „последнее цѣлование княгини (матери) Агриппинѣ Ростиславне“.

10) Иначе, чем в списках компилятивной редакции, средактирован эпизод об Олеге Красном (см. выше).

11) При перечислении жертв татарского погрома в Рязани опять, в отличие от компилятивной редакции, названа „великая княгиня Агриппина, мать великого князя“ (во всех трех списках).

12) В эпизоде о Коловрате его пребывание при нападении Батыева на Рязань в Чернигове мотивировано отъездом туда князя Ингоря: „был в Чернигове со князем Ингорем Ингоревичем“ (во всех трех списках), при иной мотивировке в компилятивной редакции: „емля подать государя своего великого князя Георгия Ингоревича“.

13) Указано, где именно настиг Коловрат Батыева: „угнаша Батыева в земли суздальстей“ (во всех трех списках), чего нет в компилятивной редакции.

14) Отвечая Батю, взятые им в плен дружинники Коловрата называют себя „храбры есьми великого князя“ (*РО 2*), вместо „рабы“ в списках *РО 1, Гл* и в списках компилятивной редакции.

15) Подвиг Коловрата охарактеризован как побиеие „богатырей батыевых“, вместо „многих нарочитых“ в компилятивной редакции.

16) При нападении на самого Коловрата татары наводят на него „множество пороков“ (во всех трех списках), при „множество саней с нарядом“ в компилятивной редакции.

17) После одоления Коловрата Батый посылает „по мирзы и по князи“ (во всех трех списках), без добавления, как в компилятивной редакции, — „ординския и по санчакъбыи и по паши“.

18) При описании погребения Ингорем Ингоревичем найденного им в Рязани „трупия“ опять, в отличие от компилятивной редакции, все три списка упоминают „тело матери“ этого князя „великия княгини Агриппины Ростиславны“.

19) Наконец, заключительное родословие потомков Евстафии или вовсе отсутствует (РО 1, и Гл) или (РО 2) отделено от основного содержания Повести не имеющим к ней прямого отношения текстом (см. выше), т. е. явно выписано из другого, чем сама Повесть, списка (компилятивной редакции).

Есть, таким образом, все основания в списках РО 1, РО 2 и Гл признать особую редакцию Повести, отличную от компилятивной; выше эта редакция названа распространенной. Ее близость к компилятивной не нуждается в доказательствах; несомненна, с другой стороны, и ее сравнительная с ней первоначальность. За это говорит каждое из приведенных 19 отличий. Одни из них (5, 12, 13, 16) вносят в рассказ историческую и историко-бытовую фактичность, отсутствующую или искаженную в компилятивной редакции; другие (4, 9, 11, 18) сохранили на себе местный рязанский отпечаток, в компилятивной редакции устраненный; третьи (7, 14, 15) явно архаичнее соответствующих вариантов компилятивной, в отношении языка; четвертые, наконец, (1, 8, 17) в противоположность риторике и нарочитой литературности соответствующих вариантов компилятивной, отмечены характером вообще присущего нашим старшим памятникам лаконизма.

Первоначальность распространенной редакции, сравнительно с компилятивной, будет еще нагляднее, если привлечь тот вид Повести, который читается в „Русском Временнике“ и нами выше назван редакцией хронографической. Сравнение этой редакции Повести с распространенной не оставляет сомнений в их большой близости. Достаточно указать, что из 19 выше перечисленных особенностей распространенной редакции 17 отскакивают одновременно и в хронографической, которая, с другой стороны, примыкает к компилятивной только в двух случаях при изложении рассказа об Олеге Красном и в чтении „рабы есьми“ вместо „храбры есьми“ (ср. выше примеры 10 и 14). Старшинство хронографической редакции, сравнительно с компилятивной, не подлежит, таким образом, сомнению.

Что касается хронографической и распространенной, то при всей их близости, хронографическая имеет ряд таких особенностей, которые заставляют видеть в ней не прототип, а, напротив, переработку распространенной. Чтобы убедиться в этом, достаточно нескольких сопоставлений.

Распространенная редакция

В лѣто 6745, во второе на десять лѣто по принесении чудотворного образа Николина ис Корсуни, прииде безбожный царь Батый на Русскую землю со множеством вой татарскими и ста на рѣке на Вороножи близ рязанския земли и присла послы бездѣльны на Рязань к великому князю Юрью Ингоревичу рязанскому.

Хронографическая редакция

В лѣто 6745. Сей убо безбожный, молниина стрѣла, с бесчисленным множеством агарян безвѣстно прииде лѣсом во 12 лѣто по принесении чудотворного образа Николина из Корсуни и ста на реке на Вороножи на Онозѣ и взя ее плѣном, присла послы бездѣльные, жену цародѣйцу и с нею два мужа на Рязань к великому князю Георгию Ингоревичу Рязанскому.

Сравнивая эти два текста, видим, что отмеченные курсивом отличия хронографической редакции все без исключения взяты из статьи о нашествии Батыя в предшествующих редакциях Хронографа: и эпитет „молни-

ина стрела“, и наименование монголов „агарянами“, и восходящие к старшим летописям подробности о маршруте Батыя („безвестно лесом“, „ста на Онозе“), как равно и подробности о чародейке в числе его послов, — все это отыскивается под соответствующим 6745 годом в Хронографе редакции 1512 г. И, как сразу видно, смещение этих заимствованных отсюда подробностей с текстом Повести выполнено местами почти механически. Так, к словам Повести — „ста на реке на Воронежи“ — хронографическая редакция из указанного дополнительного источника присоединила — „на Онозе“, вовсе не сообразуясь с получившимся в результате противоречием.

Итак, удалив из текста хронографической редакции Повести эти и все остальные подобные им заимствования из Хронографа, получим, с небольшими лишь сокращениями, тот самый вид Повести, который мы назвали редакцией распространенной. Она-то и легла, как отсюда явствует, в основу хронографической. Признав, таким образом, распространенную редакцию старше не только компилятивной, но и хронографической, мы тем самым значительно уточняем предельные даты ее возникновения. Дело в том, что хронографическая редакция Повести, тесно связанная, как мы видели, с текстом Хронографа, могла возникнуть, скорее всего, одновременно с той редакцией этого последнего, в которую впервые и была включена. Такой его редакцией, легшей в основу „Русского Временника“, А. А. Шахматов считал редакцию 1520 года, предполагаемый протограф западно-русской редакции, не разделенной на главы (ПСРЛ, т. XXII, Пгр., 1914), одного из хронографических слоев Никоновской летописи, Академического списка Хронографа редакции 1599 г. и основной части „Русского Временника“.¹ Ближайшее, однако, изучение всех наличных списков Хронографа как в западно-русской редакции, так и в редакции 1512 г., предпринятое их редактором (при издании Археографической комиссией) С. П. Розановым,² существенно изменило нарисованную А. А. Шахматовым картину, установив, во-первых, зависимость Никоновской летописи не от предполагаемого протографа западно-русской редакции, а от нее самой, и признав, во-вторых, хронографический протограф „Русского Временника“ предшественником не западно-русской редакции, а редакции, разделенной на главы.

Гипотеза о двух редакциях западно-русского Хронографа и датировка предполагаемой первой 1520-м годом оказалась, таким образом, несостоятельной. В полной, напротив, неприкосновенности должны остаться выводы А. А. Шахматова относительно другого более позднего извода Хронографа в основе „Русского Временника“ — редакции 1533 г. „Связный летописный рассказ Русского временника“, — говорит он — „тянется до 1533 года: вслед за известием о возвращении в Москву после крымского похода великого князя Василия Ивановича 21 августа 7041 сентябрьского года, мы находим (II, 363) известие от 19 декабря 7042-го сентябрьского года о слитии колокола и поставлении его Николаем Немчиным; но между этими двумя событиями случилось важное происшествие — смерть вел. кн. Василия Ивановича (3 декабря 7042-го сентябрьского года); неупоминание о нем в Русском Временнике служит прямым доказательством того, что в более первоначальной редакции он был составлен в 7041 (1533) г., причем приписка о колоколе, равно как и следующие затем статьи — о преставлении Александра Свирского (ум. 30 дек. 1533 г.), сказание от жития Даниила Переяславского (ум. 7 апреля 1540 г.), предисловие о великих князьях литовских (Русск. Врем., II, 364—386) — вне-

¹ А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа. Сборник ОРЯС АН, т. LXVI, № 8, 1899, стр. 37—57.

² С. П. Розанов. Хронограф западно-русской редакции. СПб., 1912, стр. 1—13.

сены впоследствии в редакцию, относящуюся к середине XVI в. и послужившую основанием для Костромской редакции конца XVII в. Итак, древнейшая редакция Русского Временника относится к 1533 г.¹ Этот вывод нуждается только в поправке относительно второго из трех слоев памятника, который надо, как увидим сейчас, отнести не „к середине XVI в.“, а к первой половине XVII в.

В котором же, спрашивается, из этих трех слоев памятника могла впервые быть внесена наша Повесть? Две последние его редакции не ограничивались простым продолжением предшествующей, но сверх того всякий раз кое-чем дополняли основной текст свода. Так, последняя редакция, присоединившая в конце ряд погодных записей с 1642 по 1680 год включительно о различных событиях из жизни Костромского Богоявленского монастыря, среди которых есть даже в известии о постройке „житных полат“ (1668 г.) прямое указание на самое летопись („и на тех палатах и летопись написана“), — эта костромская редакция 1680 г. внесла, по крайней мере, одну вставку и в основной текст Временника. Под 1506 годом, вслед за известием (одинаково читающимся в „Русском Временнике“ и в Никоновской летописи — см. ПСРЛ, т. XII, стр. 259) о смерти великого князя Ивана Васильевича, добавлено одно несомненно позднейшее с грубыми ошибками в хронологии — и несомненно костромское известие о сидевших при этом великом князе наместниками на Костроме Иване Кондратьевиче Судиманте и Якове Захарьиче, родоначальнике московских бояр Захарьиных (Русский Временник в изд. 1820 г., ч. 2, стр. 246).

Сохранилась одна явная вставка в основном тексте памятника и от предыдущей (предпоследней) редакции; в главе „о пренесении мощей великих князей“, где опять, в точном сперва согласии с Никоновской (ПСРЛ, т. XIII, стр. 8), дан длинный перечень перенесенных в 1508 г. в Архангельский собор предков великого князя Василия Ивановича, — к общему в обоих сводах имени: „Петр царевич... Абреимов сын царев“, в Русском Временнике добавлено еще 12 позже погребенных там князей и царей, последним среди которых назван „страстотерпец царевич Дмитрий Иванович, московский и всея Русии чудотворец“ (Русский Врем., ч. II, стр. 259). Как отсюда видно, не только самая вставка, но и породившая ее редакция, могли возникнуть, с одной стороны, только после августа 1606 г. (когда был перенесен из Углича в Московский Архангельский собор царевич Дмитрий), а, с другой стороны, никак не позднее 1645 г., когда умер и был похоронен в том же соборе царь Михаил Федорович, в указанной вставке еще не упомянутый.

Ни одна, однако, из этих двух поздних вставок не похожа, с точки зрения приемов редактора, на вставку Повести о Николе Зарайском (под 6745 годом): и вставка о костромских наместниках, и вставка о погребениях в Архангельском соборе просто присоединены к предшествующему более раннему тексту, тогда как Повесть, — мы видели — введена в этот более ранний текст посредством гораздо более сложного с ним слияния (см. выше). При этом Повестью о Николе Зарайском такие сложные дополнения хронографической статьи 6745 г. в „Русском Временнике“ не ограничиваются: посредством сходных редакторских приемов в нее включены еще Повесть о Меркурии Смоленском (ч. I, стр. 135—149) и два отрывка из жития Евфросинии Суздальской (там же, стр. 117—118, 165—168). Одна и та же редакторская рука в каждом из этих добавлений, помимо одинакового их приспособления

¹ А. А. Шахматов, ук. соч., стр. 43.

к тексту Хронографа,¹ видна еще из того, что все три использованные для этих дополнений памятника — не только Повесть о Николѣ Зараском, но и повесть о Меркурии Смоленском и житие Евфросинии Суздальской — одинаково носят на себе отпечаток церковности и, сверх того, попав в один летописный свод, явно передали еще друг другу некоторые детали, типичные для житийного жанра вообще.

Так, в отличие от своего более раннего вида, повесть о Меркурии Смоленском, в той редакции, которая ей придана в „Русском Временнике“, однажды воспользовалась, при описании ужасов татарского нашествия, тем самым библейским образом — „положиша убо трупия... в брашно птицам небесным... и зверем и гадом земным“, — который широко использован во всех редакциях Повести о Николѣ Зараском. Синхронность трех вставок в хронографических статьях „Русского Временника“ о Батыевом нахождении едва ли, таким образом, может внушать сомнение.

Но одна из этих вставок — повесть о Меркурии Смоленском — отнесена в специальном исследовании об этой повести за счет составителя основной редакции „Русского Временника“, т. е. за счет его редакции 1533 г.² Не противоречит этой дате, с другой стороны, и то, что нам известно о времени составления жития Евфросинии Суздальской.³ Есть поэтому достаточные основания к тому же 1533 г. приурочить включение в „Русский Временник“ Повести о Николѣ Зараском,⁴ тем более что сам этот летописный памятник 1533 г. содержит прямое указание на особую популярность местного культа Николы Зараского как раз в то время, когда этот памятник составлялся, в тех кругах тогдашнего общества, вниманию которых он не мог не предназначаться прежде всего.

Под тем самым 1533 годом, на котором „Русский Временник“ когда-то оканчивался, находим в нем, в согласии с Воскресенской и Никоновской летописями, следующее известие: „Тоя же зымы марта в 1 день ѳздил князь великий Василей помолитись къ Николѣ к Зарас-“

¹ Примером такого приспособления может служить одинаковое наименование в согласии с хронографической статьёй 6745 г., „повестью умиальной“ не только эпизода о разорении Рязани, из Повести о Николѣ, но и всей повести о Меркурии (в ее не встречающемся в других редакциях эпизоде).

² См. А. Т. Белецкий. Литературная история повести о св. Меркурии Смоленском. Сборник ОРЯС АН, т. ХСІХ, № 5, 1922, стр. 25. А. А. Шахматов считал повесть о Меркурии позднейшей вставкой, так как ее нет в Хронографе 1599 г. — (назв. соч., стр. 50).

³ В. О. Ключевский (Дрезнерусские жития святых как исторический источник. (М., 1871, стр. 286) относил ко второй четверти XVI в. литературную деятельность Григория, автора этого жития; С. П. Розанов, без мотивировки, считает, что житие Евфросинии составлено „не ранее половины XVI в.“ — Повесть об убиении Батые. Известия ОРЯС АН, 1916, т. XXI, кн. I, стр. 109—142.

⁴ Включение ее в более ранний вид памятника казалось А. А. Шахматову правдоподобным в виду наличия той же Повести в Хронографе 1599 г., отражающем якобы общий для него и „Русского Временника“ протограф — редакцию Хронографа 1520 г. Несостоятельность этого общего положения уже отмечена выше. Что же касается собственно Хронографа 1599 г., то из имеющихся о нем в научной литературе сведений ничего пока нельзя заключить относительно отведенного в нем нашей Повести места: таково ли оно, действительно, как и в „Русском Временнике“, или, наоборот, иное, приближающееся к положению этой Повести в некоторых списках Хронографа 1602 г., например, в списке собрания Уварова № 1363 (13), где Повесть о Николѣ Зараском читается лишь в Прибавлениях, вне всякой связи с собственно хронографическим текстом. См.: арх. Леонид. Систематическое описание славно-русских рукописей собрания гр. А. С. Уварова. Часть III, М., 1894, стр. 48—52. О близости же редакции 1599 г. к редакции 1601 г. см.: С. Розанов. Заметки по вопросу о русских хронографах. ЖМНП, 1904, январь, стр. 129.

скому¹. Известие, несмотря на краткость, выделено в „Русском Временнике“ особым заголовком: „Был князь великий у Николы у Зараского“. Пишность московских великокняжеских или царских выездов на богомолье в XVI в. известна: всякий раз это было крупным событием не только в жизни великокняжеского двора, но и в жизни всей столицы; не безразличен был, разумеется, и выбор места для такого рода прездок: царский или великокняжеский выбор сразу же придавал облюбыванному монастырю со всеми его святынями и достопримечательностями, на некоторое по крайней мере время, особую популярность. Летописный памятник, составившийся между 21 августа и 3 декабря 1533 г., т. е. каких-нибудь полгода спустя после паломничества великого князя в Зарайск и, вероятно, одновременно с новой, уже предсмертной, поездкой великого князя на богомолье (о которой сообщает известная повесть о его „преставлении“), — такой памятник, скорее всего, и мог сообщить, кроме известия о самом паломничестве, также и культовое предание о том месте, которое тогда для него было избрано целью.

К тому же мы располагаем известными данными, позволяющими самый выбор великим князем в 1533 г. Зарайска местом своего богомолья отнести не столько за счет его личной набожности, сколько за счет политических его видов. Паломничеству туда в 1533 г. предшествовала в 1531 г. постройка в Зарайске крепости; под указанным годом в Воскресенской и Никоновской читаем: „срублен бысть того же лета на Коширь град деревян, а на Осетрь камень“ (ПСРЛ, т. VIII, стр. 278; т. XIII, стр. 58). В „Русском Временнике“ к этому известию добавлено: „у Николы чудотворца у Зараского“ (ч. 2, стр. 354). А это мероприятие, в свою очередь, вытекало, как показано будет ниже, из сложных и длительных взаимоотношений Москвы не только с крымскими татарами (для обороны от которых выстроена была крепость), но и с князьями рязанскими, патрональной святыней которых был как раз Николин образ в Зарайске. Все говорит, таким образом, за то, что хронографическая редакция Повести о Николе Зараском была выработана и включена в „Русский Временник“ одновременно с возникновением его собственной редакции 1533 г.

Из трех редакций Повести, пока еще не рассматривавшихся, — редакции святцев (*Свц*), особой (*Ан*) и проложной (*Пр*), проще всех поддается датировке *Ан*, где в послесловии читаем: „Списано у стрельцкого головы у Никиты Леонтиева сына Анненкова у резанца, восьмая тысяща 141 году, марта 9 день“, откуда видно, что переписчик работал над попавшим ему в руки списком рязанца Анненкова в 1633 г.; самый же факт такого рода приписки и дальнейшего вслед за ней послесловия не оставляет сомнений в том, что этот переписчик был и довольно самостоятельным редактором Повести. Он не только соединил заново распространенную редакцию с компилятивной, но и дополнил такой их свод целым рядом своих собственных отступлений. Выработанной в результате этого редакции, известной мне пока в одном списке, и присвоено название *особой*.

Проложная редакция, единственный список которой в точности повторяет текст печатного Пролога под 29 июля, является обычным при включении в поздний Пролог сокращением, в данном случае —

¹ Русский Временник, изд. 1820 г., ч. 2, стр. 360. В Воскресенской и Никоновской место „марта в 1 день“ читается: „марта 10“ и в заключение добавлено: „а на Москву приехал того же месяца 19“. ПСРЛ, т. VIII, стр. 282, и т. XIII, стр. 63.

сокращением компилятивной редакции. Эта редакция датируется временем первого ее появления в печатном Прологе, т. е. не раньше 1641 г.

Сложнее вопрос о времени составления редакции святцев. Текст, подвергшийся в ней сокращению, отличался чертами, не встречающимися ни в одной другой из обследованных выше редакций; это, во-первых, выражение „отемнѣ“ (вместо „ослѣпл“ во всех списках других редакций) и, во-вторых, точное указание, откуда именно ринулась на землю княгиня Евпраксия: „возшедши на высоту церковную, в ней же бѣ чудотворная она икона... и срунувшись с высоты церковныя“ (вместо неопределенной „храмины“ или „храма своего“ во всех списках других редакций). Оба варианта нельзя не признать за более первоначальные, чем их замена в других редакциях: „отемнѣ“ архаичнее, чем „ослѣпл“, чисто лексически; что же касается варианта о месте „зараза“, то он явно придает сюжету Повести ту последовательность и цельность, которых ему недостает при неопределенном указании на „храмину“ вообще, без всякой связи с местонахождением главного действующего лица — Николина образа. Есть поэтому основания редакцию святцев признать прямым сокращением того первоначального вида Повести, который до нас дошел лишь в позднейших переработках.

Итак, собранные нами списки Повести, при ближайшем их рассмотрении, распадутся на восемь охарактеризованных выше редакций, возникавших друг за другом, в следующем порядке. Древний вид Повести, по объему рассказанных в ней событий, совпадал с первым разделом редакций позднейших и уцелел 1) в сокращенной передаче святцев; 2) ближе всего затем отразился в нашей краткой редакции, выработанной, во всяком случае, до 1511 г., которым открывается дополнявший собою ее коломенский эпизод; 3) этот последний, будучи присоединен к краткой редакции между 1511 и 1530 гг., образовал вместе с ней новую самостоятельную редакцию — „редакцию с коломенским эпизодом“; 4) из нее возникала затем, до 1533 г., распространенная редакция, сама, в свою очередь, при включении в 1533 г. в Хронограф, подвергаясь незначительным изменениям; 5) в качестве редакции хронографической; 6) путем целого ряда различных замен и дополнений из распространенной же возникает в 1560 г. редакция компилятивная; 7) ее, вместе с распространенной, вновь дополняет в 1633 г. составитель особой редакции; и, наконец, 8) все ту же компилятивную редакцию 1560 г. в сильно сокращенном виде принимает в свой состав печатный Пролог.¹

22 X 1941

¹ После даты „22. X. 1941“ В. А. Комарович начал следующий раздел своего исследования, но от него сохранились лишь поставленные автором вопросы: „Что же, спрашивается, крылось за этой длительной и довольно богатой переменами жизнью незамысловатого, на первый взгляд, повествовательного сюжета? Каковы его литературные и историко-культурные корни в средневековой книге и в той областной почве, на которой он так долго продолжал бытовать...“ На этих словах рукопись В. А. Комаровича обрывается. В. А. Комарович погиб в Ленинграде 17 февраля 1942 г. *Прим. ред*